

Стоял август. Океан был теплым и с каждым днем становился все теплее. Алекс переждала волну, прежде чем войти в воду, и брела, пока не стало достаточно глубоко, чтобы нырнуть. Несколько мощных гребков — и она преодолела линию прибоя. Тут море было спокойным.

Отсюда песок казался чистейшим. Свет — тот самый знаменитый свет — придавал медовую мягкость всему: темной европейской зелени низкорослых деревьев, траве на дюнах, дружно колыхавшейся с тихим шелестом. Машинам на парковке. Даже чайкам, копошащимся в мусорном баке.

Лежаки на берегу были заняты безмятежными пляжниками. Мужчина, загорелый до цвета дорогого

чемодана, зевал; молодая мать смотрела, как ее дети бегают к воде и обратно.

Что бы они увидели, если бы посмотрели на Алекс?

В воде она была такой же, как все. Нет ничего странного в том, что молодая девушка плавает в одиночестве. Невозможно определить, своя она здесь или нет.

Когда Саймон впервые привез ее на пляж, он сбросил обувь у спуска с набережной. Видимо, так делали все: возле низкого деревянного ограждения были свалены туфли и сандалии. «Никто их не крадет?» — спросила Алекс. Саймон поднял брови: «Кому нужна чужая обувь?»

Но Алекс сразу же подумала о том, как легко что-нибудь тут украсть. Что угодно. Велосипеды, прислоненные к забору. Сумки, брошенные без присмотра на полотенцах. Машины, оставленные незапертыми, ведь никто не хочет брать с собой ключи на пляж. Эта система существовала только потому, что каждый верил, будто находится среди таких же людей, как он сам.

Прежде чем отправиться на пляж, Алекс проглотила таблетку обезболивающего из аптечки Саймона, оставшегося после давней операции на спине, и ее сознание уже окутала знакомая пелена, соленая во-

да вокруг стала еще одним наркотиком. Сердце приятно, ощутимо билось в груди. Почему в океане чувствуешь себя настолько похожим на человека? Она лежала на спине, жмурясь от солнца и слегка покачиваясь на волнах.

Сегодня состоится вечеринка, которую устраивает один из друзей Саймона. Или друг по бизнесу — все его друзья были друзьями по бизнесу. А пока ей предстояло убить несколько часов. До конца дня Саймон будет работать, предоставив Алекс самой себе, как и всегда с тех пор, как они сюда приехали, — вот уже почти две недели. Она не возражала. Почти каждый день она ездила на пляж. Опустошала заначку обезболивающих Саймона в постоянном, но незаметном темпе (по крайней мере, так она надеялась). И игнорировала все более разъяренные сообщения Дома, что было довольно легко. Он понятия не имел, где она. Она пыталась заблокировать его номер, но он продолжал писать и писать со всё новых номеров. Как только представится возможность, она поменяет свой. Утром Дом прислал еще одну порцию:

Алекс

Алекс

Ответь мне

Хотя от этих сообщений желудок у нее по-прежнему сжимался, ей достаточно было оторвать взгляд от телефона, и все казалось решаемым. Она жила в доме

Саймона, окна которого выходили на ухоженную лужайку. Дом находился в другом мире, и она могла притвориться, будто того, старого, мира больше нет.

Все еще лежа на спине, Алекс открыла глаза, и ее ошеломил резкий солнечный свет. Она перевернулась и взглянула на берег: она была дальше, чем полугала. Гораздо дальше. Как это случилось? Она попыталась выплыть назад, к пляжу, но, похоже, не сдвинулась с места — ее гребки съедала откатная волна.

Она передохнула и попробовала еще раз. Из всех сил колотила ногами. Отчаянно гребла руками. Оценить, приближается ли берег, было невозможно. Еще одна попытка вернуться обратно, снова бесполезная. Солнце по-прежнему палило, линия горизонта колебалась, мир вокруг был совершенно равнодушным.

Вот он, конец.

Она была уверена: это наказание.

Но, как ни странно, ужас длился недолго. Он лишь прошел сквозь нее, вспыхнув и мгновенно угаснув.

Его сменило нечто другое, своего рода ползучее любопытство.

Она прикинула расстояние, оценила частоту своего сердцебиения, спокойно взвесила все действующие факторы. Разве она не умела всегда смотреть на вещи объективно?

Просто надо сменить курс. Она поплыла параллельно берегу. Тело взяло управление на себя, вспо-

мнив гребки. Она отмела любые сомнения. В какой-то момент сопротивление воды ослабло, и тогда она повернула к берегу, и он был все ближе и ближе — и вот она уже настолько близко, что ноги коснулись песка.

Да, она запыхалась. Руки ныли, сердце билось неровными толчками. Она оказалась намного дальше по пляжу.

Но она была жива — жива.

Страх уже забылся.

Никто на берегу ничего не заметил, не оглянулся на нее. Мимо прошла парочка — опустив головы и сканируя песок в поисках ракушек. Мужчина в болотных сапогах собирал удочку. От компании под тентом доносился смех. Наверняка, если бы Алекс действительно угрожала опасность, кто-то бы отреагировал, один из этих людей пришел бы ей на помощь.

Водить машину Саймона было одно удовольствие. Она была пугающе легкой в управлении, пугающе быстрой. Алекс не удосужилась переодеться, так и осталась в купальнике, и кожаная обивка обжигала ей бедра. Даже на хорошей скорости, при опущенных стеклах, воздух был душным и знойным. Какую проблему Алекс нужно решить в данный момент? Никакую. Ей не требовалось вычислять никаких переменных, обезболивающее все еще делало свое дело. По сравнению с городом это был рай.

Город. Она не в городе, и слава богу.

Конечно, дело было в Доме, но не только. Еще до Дома что-то пошло не так. В марте ей незаметно исполнилось двадцать два. У нее был рецидивирующий ячмень, из-за которого левое веко неприятно отвисало. Макияж, который она наносила, чтобы это скрыть, только все усугублял, она заражала себя повторно, и ячмень не проходил месяцами. В конце концов в поликлинике ей прописали антибиотик. Каждый вечер она оттягивала веки и выдавливала капельку мази прямо в глазницу. Непроизвольные слезы текли только из левого глаза.

В метро и на тротуарах, припорошенных свежес выпавшим снегом, Алекс начала замечать, что незнакомые люди посматривают на нее определенным образом. Их взгляды задерживались на ней. Женщина в клетчатом мохеровом пальто рассматривала Алекс с пугающим вниманием, хмурясь словно бы от растущего беспокойства. Мужчина, чьи запястья побелели, оттянутые кучей пластиковых пакетов, таращился на Алекс, пока она наконец не вышла из поезда.

Что люди видели в ее ауре, что за вонь от нее исходила?

Возможно, ей это мерещилось. Но, может, и нет.

Ей было двадцать, когда она приехала в город. В те времена у нее еще хватало сил использовать вымышленное имя и она еще верила, будто подобные жесты чего-то стоят и что-то означают, — то, что она делает, на самом деле не происходит в ее реальной жизни. Тогда она вела списки: названия мест, куда

ходила с мужчинами. Рестораны, в которых хлеб и масло включают в счет. Рестораны, в которых твою салфетку складывают, когда выходишь в туалет. Рестораны, в которых подают только стейки, розовые, но безвкусные, и толстые, как книги в твердых переплетах. Бранчи в середнячковых отелях с неспелой клубникой и слишком сладким соком, кашеобразным от мягкости. Но привлекательность списков быстро улетучилась, или что-то в них начало ее угнетать, и она прекратила их вести.

Теперь Алекс перестали пускать в некоторые бары при отелях, ей приходилось избегать некоторых ресторанов. Ее очарование теряло силу. Не полностью, не совсем, но в достаточной степени, чтобы она начала понимать, что это возможно. Она видела, как это происходило с другими — с девушками постарше, с которыми она познакомилась с тех пор, как сюда переехала. Они возвращались в свои родные города, стремясь к нормальной жизни, или же вообще исчезали.

В апреле управляющий отеля вполголоса пригрозил вызвать полицию, после того как она попыталась записать ужин на счет старого клиента. Слишком многие постоянные клиенты по тем или иным причинам перестали к ней обращаться — из-за ультиматумов, выдвинутых им на парной терапии, из-за этой новой моды на радикальную честность, или из-за первых приступов вины, вызванных рождением детей, или просто от скуки. Ее ежемесячный доход резко упал. Алекс подумывала об увеличении

грудь. Она переписала текст своего объявления и заплатила непомерную сумму, чтобы оно показывалось на первой странице результатов. Снизилась расценки, затем снизила их еще раз.

«Шестьсот роз, — гласило объявление. — Шестьсот поцелуев». То, чего только очень юные девушки могут хотеть в таких количествах.

Алекс прошла серию лазерных процедур, и вспышки синего света омолаживали ее лицо, пока она наблюдала за происходящим сквозь тонированные защитные очки — как мрачный астронавт. Тогда же она сделала новые фотографии у нервного студента художественного факультета, который робко спросил, не рассматривает ли она возможность оплаты по бартеру. У него был домашний кролик, который метался по его импровизированной студии, демонически сверкая розовыми глазами.

В мае одна из ее соседок по квартире задалась вопросом, почему у них так быстро заканчивается клоназепам. Пропали подарочный сертификат и любимый браслет. Все пришли к единодушному мнению, что это Алекс сломала оконный кондиционер. Сломала ли Алекс кондиционер? Она такого не помнила, но, возможно, и сломала. Вещи, к которым она прикасалась, будто начинал преследовать злой рок.

В июне отчаяние заставило ее пренебречь своими обычными правилами отбора клиентов — она отказалась от рекомендаций, от удостоверений личности с фотографиями, и ее неоднократно кидали